

18+
ДМИТРИЙ ВЕРЖУЦКИЙ

За синей птицей

Дмитрий Вержуцкий

За синей птицей

«Издательские решения»

Вержущкий Д.

За синей птицей / Д. Вержущкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535238-5

В сборник вошли неопубликованные рассказы, разные по тематике, но позволяющие по-новому взглянуть на старые и не очень события, жизни людей, столкнувшихся с неожиданными явлениями или поворотами судьбы.

ISBN 978-5-00-535238-5

© Вержущкий Д.
© Издательские решения

Содержание

ТАЕЖНЫЕ ИСТОРИИ	6
ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ	6
ВСТРЕЧА В ТАЙГЕ	10
ИЗ ЖИЗНИ	11
В МЕТРО	11
СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТИК	14
ДЯДЯ ВАНЯ	16
НА БАЙКАЛЕ	19
НЕПОНЯТНАЯ КОМПАНИЯ	19
В БУХТЕ ШИДА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

За синей птицей

Дмитрий Вержуцкий

© Дмитрий Вержуцкий, 2021

ISBN 978-5-0053-5238-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТАЕЖНЫЕ ИСТОРИИ

ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ

– Джентльмены, у меня есть для вас две новости – хорошая и плохая! – помешивая в котелке жидкий раствор брусничного листа, сообщил я своим собратям по авантюре.

Гоша, изучавший в бинокль склон соседней сопки, в надежде увидеть какую-нибудь дичь, оторвался от своего занятия и вопросительно глянул в мою сторону. Алекс, лежа на спине на телогрейке и загорая свое тщедушное тельце на вышедшем из-за скалистого гребня солнце, тоже приоткрыл глаз.

– Ладно, начну традиционно с плохой. Так вот, господа, из провианта у нас не осталось ничего, кроме медвежьих какашек!

– Ну, это и так понятно, а что дальше? Что у нас хорошего? – чуть помедлив, все-таки заинтересовался Гоша.

– Хорошая же новость заключается в том, что такого провианта, в силу исключительного обилия этих чудесных животных вокруг нас, здесь сколько угодно! – старый анекдот, надо признаться, очень точно описывал наше положение.

Мои напарники, хмыкнули что-то в ответ и этим ограничились, вернувшись к прежним занятиям. Новостью мое сообщение ни для кого не стало. Еды, в обычном понимании слова, не было уже две недели. Тогда Гоша сумел подстрелить сразу двух куропаток! Высыпав в котелок последнюю горсть риса, накрошили туда лука и получился очень даже неплохой ужин!

Нормальное трехразовое питание присутствовало в наших желудках только в первую неделю похода, затем полмесяца мы шли по горам полуголодные, с каждым днем сокращая порции взятой с собой еды. Та похлебка показалась невыносимой роскошью! Но и она порадовала нас уже очень давно.

Сделав паузу, я продолжил мысль:

– Мы стоим на этой поляне уже шесть дней. Каждый день наш Командор ходит на охоту и вообще нифига не приносит. Мы с Алексом обшарили все вокруг, больше ни лука, ни чеснока, ни саранки, ничего съедобного поблизости нигде не осталось. Нет смысла торчать здесь дальше. Тем более, что все ручьи по соседству уже проверены, максимум – это четыре-пять «знаков» на ведро грунта, это – вообще ни о чем. Но прежде чем идти через перевал, сначала надо хоть как-то подкормиться.

По Байкалу, километрах в сорока отсюда и на полтора километра ниже нашего лагеря, шел корабль. Его самого видно не было, но расходящийся след на почти зеркальной глади озера выделялся очень четко.

«А люди там уже, наверное, позавтракали. Что-нибудь типа яичницы с колбасой. И кофе, черный кофе! С сахаром и булочкой. Булочка с изюмом... Да, что это со мной?» Страхнув с себя наваждение, я продолжил:

– Предлагаю – сегодня отправить на охоту меня, вдруг вашему покорному слуге повезет больше! Гоша идет в то зимовье, про которое рассказывал. Может, оно уцелело? Тогда, будем надеяться, хоть какая-то еда там найдется. До него, говорил, километров десять? Тогда к вечеру обернешься. Все равно, кроме тебя, его никто не найдет! Алекс охраняет лагерь. Как считаете? Или есть другие идеи?

В лагере все время кому-то приходилось оставаться. Медведей, реально, вокруг ходило не просто много, а очень много. Они навели бы табор без людей обязательно. Съестного у нас не было, но порвать палатку, одежду и спалье, измять и привести в негодность посуду

и все, что подвернется – любимая медвежья забава. Если в лагере кто-то находился, звери все же опасались и близко не подходили.

За распитием брусничного чая, мои предложения приняли единогласно. Гоша, закинув за плечи пустой рюкзак, начал спуск с террасы по правому распадку. Места были ему знакомы. Лет двадцать назад он начинал свою трудовую деятельность именно в этих краях, проработав несколько лет егерем. Взяв «белку», я отправился левее, обходя куртины кедрового стланика и перепрыгивая через многочисленные веселые ручейки, сбегавшие с недалекого снежника.

Все еще вчера взвесив, я решил, что надежнее попытаться поохотиться на сурков. Самое их близкое поселение находилось на травянистом склоне у подножия морены километрах в трех отсюда. Туда уже ходил Гоша, но сурки вели себя крайне осторожно и при малейшей опасности надолго скрывались в норы. Добравшись до места и прикинув направление ветра, я устроился сбоку у крупного покатога валуна метрах в двадцати от края жилой сурчины. Затем провел семь томительных часов в безрезультатном ожидании.

Расчет на то, что кто-то из сурков, все-таки, вылезет под выстрел, оказался напрасным. Ни одна из таких жирных и вкусных зверюшек так и не появилась из норы. Дальше ждать не имело смысла. Солнце уже совсем приблизилось к неровной полосе гор на той стороне Байкала, и скоро должны были наступить сумерки. На пути к лагерю лежал «курумник» – участок из гладких валунов, покрытых мхом и редколесьем. Идти по каменной россыпи в темноте, рискуя переломать ноги, совсем не хотелось.

Спустившись на террасу метров на двести ниже, погруженный в печальные раздумья, я побрел обратно в сторону лагеря. Тут мне, наконец-то, повезло. Возле края стланиковой чащобы, из прогалины на полянку прямо на моем пути выскочил крупный заяц. Расстояние до него было всего метров пятнадцать.

Ружье я держал наизготовку, и голодная реакция оказалась мгновенной – последовал выстрел из нижнего ствола дробью, и добыча, пару раз трепыхнувшись, скатилась в куст таволги. Степень моего ликования трудно представить! Исполнив в несколько кругов что-то среднее между кавказской «лезгинкой» и местным «танцем орла» вокруг зайца, я закинул его в мешок и продолжая пританцовывать, преисполненный гордостью за не зря прожитый день и отлично выполненную задачу, снова направился к нашему временному пристанищу.

Гоша уже вернулся. Видно было, что умотался мой товарищ изрядно. Увидев меня, он встрепенулся и стал рассказывать о его сегодняшних приключениях. Начал с конца, радостно сообщив, что зимовье оказалось целым, но совсем заброшенным, несколько лет в нем явно никого не было. В находившемся рядом лабазе он нашел литровую жестяную баклажку подсолнечного масла, пачку соли и целых три пакета с гороховым концентратом! Масло начинало горчить, но еще вполне годилось в пищу!

Один из пакетов уже аппетитно булькал в котелке, источая немислимый аромат настоящей еды. Вокруг, радостно сверкая глазами, суетился Алекс, весь в ожидании предстоящей трапезы. Общая радость перешла в ликование, когда из мешка был извлечен заяц!

Разделав добычу, я разделил полтушки на три части и закинул в котел. Следом туда отправились заячьи потрошка и мелко нарезанный пучок черемши, набранной возле зимовья Гошей. Остаток мяса я тоже разрезал на несколько кусков, нанизал на колышки и воткнул их возле костра. В вяленом виде такой продукт мог храниться довольно долго.

Не дождавшись полной готовности, мы не выдержали, и, посчитав, что горячее сырым не бывает, принялись за долгожданный ужин. Трудно описать чувства людей, поедающих такое восхитительное варево после двухнедельного поста!

Датированные незадолго перед теми днями, записи из дневника Алекса:

«22 июня. Завтрак – пучок горного лука. Обед – не было. Ужин – пучок горного лука. Хочется кушать.

26 июня. Завтрак – пучок горного лука. Обед – не было. Ужин – не было. Командор опять ничего не добыл. Очень хочется кушать!

28 июня. Завтрак – пучок дикого чеснока. Обед – не было. Ужин – не было. Восьмой день нет стула!!!

30 июня. Мой день рождения. Тридцать пять лет... Почему я согласился с ними идти? Что я здесь забыл?! Зачем этот мазохизм?? Про то, что у меня день рождения, они даже не вспомнили!

Сегодня на завтрак – пучок горного лука. Обед – не было. Ужин...

Ужин!! Они где-то нашли и выкопали саранку! Целую луковицу!! И три дня про нее молчали!! Запекли в костре и отдали мне, как имениннику! Спасибо, друзья! Вот это подарок! Всю жизнь буду помнить! Вку-уу-сно!!!»

Но, правда, зачем это все было? Почему мы туда пошли? Сложный вопрос.

Гоша – по природе бродяга и почти каждый год, уволившись с очередной работы, отправлялся в тайгу, в надежде найти золотую россыпь или что-либо подобное. Искал он и изумруды на Урале, алмазы в Якутии, какие-то самоцветы в Саянах. Всю зиму изучал карты, строил маршруты и к концу весны не выдерживал. Он все бросал и пропадал на несколько месяцев, чтобы появиться осенью, изможденным, в заштопанной истертой одежде и голодным. Хотя ничего и не нашедшим, но снова выжившим.

В тот год он где-то случайно узнал о нереально богатом содержании золота на одном из ручьев в высокогорье Баргузинского хребта и был твердо уверен, что, на этот раз, «синяя птица удачи» от него никуда не денется.

Страна распалась, зарплату перестали платить, и получив предложение поучаствовать в этой его очередной аванюре, мы с Алексом, не особо долго думая, согласились. Тем более, что Гоша обещал из своей «белки» подстрелить оленя и кормить нас мясом от пуза. Обычно он брал с собой в тайгу пачку соли и булку хлеба, а дальше обходился подножным кормом.

Подозревая, что охота – дело не слишком надежное, я взял контроль за питанием в свои руки. Удалось засушить сухарей, набрать круп и других продуктов. Все это несколько утяжелило рюкзаки, но мы смогли растянуть запас почти на три недели.

Перебираясь из одного распадка в другой, мы промывали пробы грунта в самодельном лотке. Единичные «знаки» – крохотные золотые крупинки – попадались, но не более того. Хорошего шлиха нигде не было. Потом взятые с собой продукты совсем закончилась.

В глубине рюкзака у меня лежали три шоколадных конфеты и полтора сухаря, но это был НЗ, неприкосновенный запас на самый критический случай, про него я своим напарникам не говорил и пока не трогал, справедливо полагая, что крайний случай еще не наступил...

Насытившись до полного, мы разлеглись вокруг костра. Гоша продолжил свой рассказ про сегодняшние приключения, начав, на этот раз, с самого начала.

Утром он довольно быстро наткнулся на замечательную, утоптанную звериную тропку, идущую в попутном направлении. Благодаря такой удачной находке, ему удавалось двигаться довольно быстро. Уже через полчаса он прошел от лагеря километра на два.

Размашисто шагая по выположенному, заросшему приземистым разнотравьем, склону, он неожиданно увидел перед собой на тропе большой, почти черный валун. Гоша был сильно близорук, очки у него болтались на шее, привязанные к бельевой резинке. Он надевал их только в крайних случаях. Еще через пару шагов стала видна трава на гладкой поверхности камня, переливающаяся на слабом ветерке, дующем со стороны Байкала.

Недоумеая – почему тропа идет не вокруг валуна, а прямо через него, Гоша нацепил очки и остановился. В нескольких шагах от него лежал, греясь на солнышке, медведь. Очень крупный медведь. Который тоже заметил человека и поднялся. Даже в сидячем положении мишка был просто огромен. Так они стояли и смотрели друг на друга.

Шли секунда за секундой. Лихорадочно перебирая варианты действий, Гоша, наконец решился:

– Эй, ты, чудило лесное, чего встал на дороге? Уходи давай! Видишь – человек перед тобой! Освобождай тропу! – говорить он старался спокойно, но с нажимом и убежденностью в своей правоте. – Ты что – не понимаешь, что ли? Давай, отвали, совесть-то имей, я же не просто так, а по делам иду!

Медведь продолжал сидеть, следя черными блестящими глазами за неожиданным нарушителем его спокойного сна. Время от времени он водил из стороны в сторону массивной головой, втягивая воздух, пытаясь поймать запах незнакомца. Чувствуя, как холодная струйка пота стекает между лопаток по спине, Гоша продолжал уговоры, пытаясь быть убедительным и красноречивым. Он не забыл упомянуть, что, конечно, медведей лично он очень уважает, но ему сейчас край как надо двигаться на зимовье, а тот ему мешает, не давая пройти. Медведь слушал, не предпринимая никаких действий.

Наконец, все это, по-видимому, хозяина тайги притомило. Что он думал об этом нахальном человеке и о его речи, осталось за кадром, но гигантский зверюга отступил. Отходил он постепенно, каждые несколько метров останавливаясь, снова садясь и смотря на Гошу, который продолжал свою речь. Вскоре медведь завернул за куртину стланика и скрылся из виду.

Гоша, где стоял, там и сел. Достал кисет с остатками махорки, из клочка газеты соорудил самокрутку и жадно закурил. Сердце отчаянно билось, дыхание сбивалось и даже свитер был насквозь мокрым от пота.

Придя в себя от пережитого стресса, Гоша двинулся дальше. И едва не вляпался сапогом в огромную дымящуюся кучу, находившуюся на том же месте, где был медведь. Чуть дальше, где зверь первый раз остановился, лежала еще одна парящая куча и они так и шли во всех местах, где притормаживался мишка. У него просто было сильнейшее расстройство желудка!

Можно представить – сытое, довольное жизнью, животное расположилось спокойно отдохнуть на солнышке. И тут в нескольких метрах от него совершенно неожиданно, сверкая очками, появляется некто! У крупного медведя врагов в высокогорье Баргузинского хребта нет. И в любом другом случае такая встреча, скорее всего, привела бы к самым печальным для человека последствиям. Но этот медведь, видимо, был или молодым, или слишком впечатлительным, бывает и такое.

Столкнувшись с чем-то незнакомым, а оттого показавшимся опасным, он пережил не меньший стресс, чем сам Гоша! И, в отличие от Гоши, психическая травма привела к взрывной диарее, он и стоял, не в силах даже двинуться, пока человек объяснял ему необходимость освободить дорогу!

...

Через два с небольшим месяца скитаний по горам, так и не найдя «золотого» ручья, мы спустились по ущелью одной из рек в Баргузинскую долину. Силы были на исходе, и все шли, едва передвигая ноги. С огромным трудом дотащились до небольшой полянки уже недалеко от выхода в долину, где и решили переночевать. Последняя ночь была бессонной и какой-то особенно голодной. Встали на рассвете под морозящим дождем. До ближайшего поселка и магазина в нем оставалось километров двадцать, но мы все уже были совсем на пределе.

Вскипятив котелок воды, я достал со дна рюкзака заветный пакет с НЗ и выдал каждому по полсухаря и конфете. Настроение сразу изменилось, посыпались шутки, и появилась уверенность в том, что мы, все-таки, дойдем. Этого перекуса нам как раз и хватило для последнего броска. Мы доковыляли до поселка, нашли магазин, купили разной еды. Затем, схоронившись в кустах у реки, устроили настоящий пир. Следующим утром рейсовый автобус увез нас в Усть-Баргузин. Еще через пару дней, полные впечатлений, добрались на теплоходе до дома. Больше с Гошей мы уже никуда не ходили. А он так и продолжает бродить по тайге. В одиночку. Месяцами. Может быть, все-таки, когда-нибудь, синяя птица сжалится, и подарит ему удачу...

ВСТРЕЧА В ТАЙГЕ

Шла середина сентября. С севера тянуло прохладным, насыщенным лесными запахами, воздухом. Небесная синева нависала над освещенными низким послеобеденным солнцем сопками. Яркими осенними красками выделялись наряды кустов и деревьев. Путь лежал по лесовозной дороге с глубокими глинистыми колеями с грязной водой. Резиновые сапоги скользили на неровностях. Приходилось двигаться посередине, иногда перескакивая на обочину, чтобы обойти разлившуюся лужу.

Собачки мои куда-то исчезли. Может быть, за зайцем погнались, может, подняли с лежки коз. Было тихо, но в любой момент мог взлететь рябчик или появиться другая дичь. Старенькую, но с очень кучным боем, одностволку я держал в руках наготове. Тем не менее, вовремя среагировать на появившегося из-за поворота дороги глухаря не успел. Точнее, уже вскинув ружье и поймав в прицел птицу, услышал выстрел и сам стрелять не стал. Но тот, впереди, промазал. Огромный петух облетел большую лиственницу и спокойно ушел вниз по пади, скрывшись за группой кедров.

Через короткое время на дороге появился охотник. Это был Валера, мой давний приятель и сосед по даче, человек основательный и рассудительный. У него в руках тоже находилась одностволка. Только моя «тулка» была шестнадцатого калибра, а его «ижевка» – двадцать восьмого. Мы поздоровались, подсадовали по поводу улетевшего глухаря и решили вместе перекусить. С утра каждый из нас намотал по сопкам немало километров, и подоспело время отдохнуть.

Добытого Валерой еще утром рябчика выпотрошили, посолили, обмазали глиной и запекли в углях. У меня добычи сегодня не было, но имелось сало и пара картошек к нему. Кусочки, нанизанные на березовые прутики, поскворчав и зарумянясь на огне, заняли свое место на нашем импровизированном столе. Да, в общем, все блюда получились исключительно вкусными!

Никуда не торопясь, мы сидели у костра, наслаждаясь отдыхом, смакуя приготовленные деликатесы и ведя неспешную же беседу. Вспомнив удачные и не очень дни своих прошедших охот, пришли к общему мнению, что дичи в тайге стало явно меньше. Обсудив эту злободневную для нас тему, единодушно решили, что виноваты, конечно же, лесозаготовители, вырубившие уже значительную часть окрестных лесов и распугавшие зверя. Затем немного прошлись по общим знакомым и сравнили их житейские проблемы со своими. Сошлись во взглядах, что женщины – это неизбежное зло, что хорошего начальства не бывает, и справедливости в этом мире тоже нет.

Через некоторое время беседа плавно перетекла на прочитанную литературу. За классику мы оба брались не раз, но безуспешно. Пытались одолеть и Достоевского, но пришли к единому мнению, что на него совершенно не стоит тратить время. Мне в те годы больше нравились Бред Гарт и Фенимор Купер, Валера тогда сильно увлекался Джеком Лондоном и, особенно, его северными рассказами.

Прибежали мои запыхавшиеся собаки. Получив по куску хлеба, они аккуратно его съели и улеглись по сторонам, высунув длинные языки. Все, наконец, обговорив, мы с Валерой какое-то время молча посидели у огня, подкидывая в догорающий костер мелкие веточки и глядя, как радостно их охватывают языки пламени. Выпив еще по одной кружке крепкого, сладкого и ароматного чая с почками черной смородины, поднялись. Пожелав друг другу «ни пуха, ни пера», отправились, каждый своей дорогой, дальше на «промысел».

И было нам тогда по одиннадцать лет...

ИЗ ЖИЗНИ

В МЕТРО

– А вот еще был случай, – державший речь затянулся сигаретой и сунул оказавшуюся рядом большую еловую ветку в затухающий костер.

Пламя, облизав добычу, сразу вспыхнуло и осветило неровные очертания силуэтов деревьев из окружавшего их леса. Огромные звезды сверху стали не такими яркими и близкими, как пару секунд назад. Желтые искры, уходя неровным потоком вверх и в сторону, сливались с ними, образуя причудливый разноцветный рисунок. Находившийся рядом горный хребет, у самого подножия которого они расположились на ночь, черной громадиной нависал, казалось, прямо над ними. Лишь белые заснеженные края вершин, поднимавшихся на трехкилометровую высоту, заметно выделялись на фоне более темного небосклона.

– Был у нас егерь один, чудик еще тот! – речь Михалыча, как обычно, не страдала отсутствием нецензурной лексики, но филигранное умение художественно и в меру обставлять изложение редкими, но точными идиомами и междометиями, придавало ей особый колорит.

– Что-то там он окончил, МГУ, кажется. Технарем, по физике или что-то похожее. Или не окончил – кто сейчас вспомнит? Решил, в общем, он из столицы свалить и жизнь настоящую себе устроить. Ну, бзик у него такой был. Единение с природой, вред от цивилизации и все такое, – рассказчик помолчал, глядя в костер.

– А может, просто говорил всем так, а на самом деле просто достали его, тоже бывает. Толком парнишка ничего не знал, не умел, но взяли его в заповедник – на кордонах ведь куда не денешься, все на виду, жить захочешь – обтешешься. Студентом его прозвали. Конечно, нам тогда всем пришлось постараться, чтоб хоть от части городской дури его избавить. Худобедно, но пару лет парень отработал, притерся малость и отпуск, наконец, решил взять. И что? Так и будем в сухую слушать? Горло уже совсем пересохло, а никто даже не пошевелится!

Колька, парень лет двадцати пяти, самый молодой в компании, кивнул, поднялся и молча направился к столу. Через минуту все сидели с налитыми на треть кружками и немудреной закуской из хлеба, сала и лука в руках.

– Во, це – дило! Ну, за женщин! И с ними плохо, но и без них, если рассудить, – совсем никуда! – сказав сей краткий, но емкий и философский тост, рассказчик опрокинул в себя разведенный спирт, крикнул, занюхал рукавом и медленно, с чувством, начал уничтожать бутерброд с салом. Дожевав, ладонью обтер коротко стриженую бороду и усы, затем продолжил свое повествование.

– Так, о чем это я? А, вспомнил – про Студента! Короче, подался он в Москву в отпуск. Ну, а что? Маманька там у него, два года не виделись, только письма писали, она – пять, он ей – одно. Друзья, какие-никакие, но, наверное, остались. Бабки у него были – куда здесь потрапишь? Да и отпускные за два года выдали. Короче, поехал при деньгах приличных. Зима только начиналась, до льда еще месяц ждать. Успел он на последний теплоход. Зачем-то всякий полевой бутор с собой взял. Ну, по-разному бывает, может, человеку с Воробьевых гор захотелось на камусных лыжах покататься, пофорсить... Но только никто у нас и представить не мог – как он там, в отпуске своем, на самом деле время проводил! После только узнали, что каждый день утром, когда народ на работу едет, он в этой толпе спускался в метро и часа два по всем веткам катался. Все ничего – кто запрещает? Хочешь кататься – катайся! Но этот Студент ведь не просто так – он ведь с понтами все делал!

Михалыч закурил и снова ненадолго замолчал, с заметным удовольствием оглядывая широко открытые глаза окружающих, увлеченных его очередным рассказом. Огонь снова

начал угасать, но Колька поправил положение, подбросив сразу большую охапку сухих сучьев. Пламя весело затрещало, раздвигая темноту и освещая лица четырех человек, сидевших вокруг костра. Сноп ярких искр отправился в низкое небо.

– Спускался он в метро с выдумкой приодетый. Шуба длинная из светлых зимних волков, расстегнутая. Под ней – толстый свитер с оленями. На голове – ушанка большая, мохнатая, из россомахи пошита. Унты на ногах до колена, вы не поверите, полностью – соболь, черная головка, высший сорт! Умереть – не встать!! На руках – огромные рукавицы-шубинки, сверху чернобуркой крытые. За плечами – поняга, к ней с одной стороны карабин приторочен в чехле, с другой – топор с метровой рукоятью. Мешок из грубой дерюжины в поняге шишкой кедровой набит.

– Да, надо сказать, что парнишка этот к нам задохликом, глистой сушеной прибыл. Ростиком-то, вроде, ничего, длинный такой, но соплей перешибить можно было. Но, пока с учениками по горам с учетами лазал, с егерями профили чистил, да зимовья рубил, потихоньку и отъелся, силу набрал. А что? Полное ведро мяса каждый день вечером на троих варилося. Медвежатина, изюбятина, сохатина – этого всегда в избытке, иногда и оленина бывала. Для разнообразия по осени – утки, гуси, глухари в ход шли. Пару луковиц туда покрошишь, горсть крупы, полгорсти соли – вот тебе и варево. Половину с вечера, половину на утро. Весь день по горам, как тот олень носишься... Э-эх, были же времена...

Мечтательно вздохнув, Михалыч достал из кармана пачку, вытряхнул оттуда сигарету, сунул в огонь подвернувшуюся ветку, подкурил от разгоревшегося конца и продолжил.

– Ну, так вот, что дальше. Кажись, говорил, что был этот поначалу Студент худой, но почти под два метра ростом. А когда заматерел, так вообще за сотню килограммов стал! А тут еще и бородой черной весь оброс – ну, точно, когда уезжал, настоящим варнаком выглядел!

Далее рассказ повествовал о том, как во всем этом диком облачении, неся на плечах понягу с карабином и топором, с широкими, подшитыми лосиным камусом, лыжами в охапку, отпускник спускался в метро. Там он втискивался в поезд, сбрасывал понягу на пол, развязывал мешок, доставал кедровую шишку и, ошелушивая ее на пол, разрызал орехи, съедая ядрышки и смачно сплевывая скорлупу на пол. При этом вид он имел чрезвычайно наглый и смотрел сверху на всех окружающих с нескрываемым высокомерием.

Народ, понятно, был совершенно изумлен таким прикидом! Люди бросали на Студента осторожные взгляды и недоумевали – каким ветром эту колоритную личность из далеких таежных краев занесло в метро? Естественно, стоять вплотную к нему никто не старался и, даже в плотно набитом вагоне, вокруг парня образовывалась пустота. Среди женщин, как всегда, находились и особы внимательные, которые, разглядев – чем покрыты унты незнакомца, вообще впадали в ступор! Меха, надо заметить, в те годы сильно ценились...

Таким вот своеобразным манером, каждое утро в рабочие, многолюдные дни, Студент и кочевал по метро, переходя с ветки на ветку, поднимаясь и спускаясь по эскалаторам, задыхаясь от жары и потая, но демонстрируя всем, насколько глубоко безразличны ему людские условности. Судя по всему, это занятие доставляло ему огромное наслаждение!

Все шло по накатанному, но, однажды, в конце января, привычно сплевывая шелуху на пол вагона и гордясь своим «крутым» видом прошедшего огонь и воду таежника, он не сразу заметил неожиданно заинтересовавшегося всем увиденным и протиснувшегося к нему поближе невысокого пожилого человека.

Это был директор его заповедника, приехавший в Москву по делам. «Бывалый таежник», онемев от неожиданности, сначала просто замер, не зная – что делать и куда прятаться. Он как-то сразу съежился и стал вдвое меньше ростом и объемом. Затем, нервничая и суетясь, тонко запричитал:

– Ой, Аркадий Иванович, здрассти! Вы как здесь? В командировке? Я вот тут это... Намусорил немного... Сейчас, сейчас приберу! – и, быстро рухнув на колени, бросился сметать с пола шелуху своей замечательной рукавицей и высыпать мусор обратно в мешок. Поезд начал тормозить, затем остановился. Студент быстро сориентировался. – Ой, извините, это же моя остановка, чуть было не проехал! – подхватив в охапку все свои манатки, он с необычайным проворством рванулся к выходу...

– Не стал, в общем, дальше он у нас работать. Приехал, сразу уволился и куда-то подался. Кто говорил – что на севера отправился, кто, вроде, в Ташкенте его встречал – не знаю, врать не буду. Но приколист знатный был! Видно, крепко достала его в молодости Москва, раз он такие понты затеял. Да, вообще – каких только чудиков у нас не появлялось – как-нибудь про других тоже расскажу! Ладно, давай еще по одной, пора и песняка исполнить!

...

Нависающая громада Восточного Саяна осветилась голубоватым светом появившейся луны. Время перевалило за полночь, огонь трещал вновь подброшенными ветками, звучали, сливаясь, голоса. Жизнь продолжалась и было в ней место всем – и серьезным людям и забавным чудачкам, без которых тоже неинтересно.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТИК

Итак, жил-был в позднесоветское время в одном из сибирских городков парень один, по имени, скажем, Геннадий. Жил средненько, как все, работал в каком-то НИИ на государство. Женился, дочка родилась, квартиру-двушку в хрущевке дали. Защитил кандидатскую, зарплату прибавили, жена на работу вышла с декрета, купили дачу, стали откладывать деньги на «Запорожец». Но тут внезапно смутные времена наступили, сбережения превратились в пыль, зарплату платить перестали.

Пару лет совсем плохо им было. Пришлось даже кроликов на даче завести, весь участок раскопать, картошкой-морковкой, тыквой да капустой каждый метр засадить. За любую работу Гена хватался, не легко ему тогда приходилось. Случилась у меня командировка в те края, увиделись (одноклассники, как ни крути) – сутулился сильно, одет плоховато, в глазах обида и отчаяние, на жизнь много мне жаловался.

В девяносто пятом, по весне, когда семье кушать как-то особенно сильно захотелось, и не капусты с картошкой, а чего-нибудь посушественнее, понес Гена на барахолку последнюю свою ценную вещь – ондатровую шапку. Сшил он ее когда-то сам, научили добрые люди в экспедициях. Было стыдно стоять на толкучке, рискуя встретить знакомых, но шапку купили на удивление быстро, и даже не торгуясь. У Гены мгновенно созрел план. Достал он с антресолей связку шкурки ондатры, когда-то привезенную по завершении одной из полевых командировок. Сел и за пару дней нашёл пять шапок. Шкурки, хотя были выделанные, но старые, шапки вышли так себе, но за сходную цену на следующие выходные ушли влёт. На все деньги он накупил на той же барахолке пушнины из сурка, ондатры и норки. Шапки из разного меха опять распродались с ходу и с большим прибытком. Бизнес пошел!

Купили новый холодильник, приоделись, денежка свободная в карманах появилась. В августе решили съездить на Сахалин к другу, тот давно уже приглашал на море покататься, развеяться от дел. Съездили, отдохнули, а обратно в свой город уже возвращались на старенькой, но японской машинке! Промысел стал давать вполне приличный доход. Через год переехали в большую трёшку в хорошем доме, приобрели новую мебель. Купил Геннадий себе большого «Сафаря» семилетнего и маленькую «Старлетку», почти новую, жене Мариночке. На даче грядку с зеленью только из всего огорода оставили, баньку построили, бассейн, цветочки, барбекю. Встречался я с ним как-то в этот период – в кожаном пальто с меховым подбоем, сыт, дороден, вальяжен, в разговоре снисходителен.

Как-то в июне, еще при Ельцине, предложили ему большую партию отличной норки, чуть ли не за половину реальной цены, но срочно. Вариант был редчайший, денег свободных не было, занял. Много и в долларах. На полгода, под небольшие проценты. У местных бандитов. Дефолт. Долг в рублях вырос сразу в пять раз. Шапки меховые перестали покупать. Пришлось продать машины, часть мебели, еще много чего. Переехали опять в квартирку поскромнее, но с долгами к весне с невероятными усилиями и с немалой помощью родственников удалось рассчитаться. Крупно повезло Гене, что бандиты знакомые были, счетчик включать не стали. Видел я его как-то в это время – с лица спал, одежда уже явно неновая, мне обрадовался, озлоблен был на все и на всех, дерган и суетлив в общении.

Жить в тот период совсем им худо стало – пришлось на даче кроликов и кур опять развести, все лужайки и клумбы снова засадить картошкой да овощами. Но муниципальные рейсовые автобусы в садоводство отменили, а ездить на частных маршрутках оказалось накладно. Да и это же дача, много чего завозить надо, нанимать машину – опять же не на что. Тут сосед предложил грузовичок маленький – «Ниссан Атлас». Убитый в хлам, но передвигавшийся своим ходом. Всего лишь за двести «зеленых», да еще и в рассрочку. Мол, весну на дачу поездишь, а там – бросишь где-нибудь.

Посмотрел Гена, прикинул – в кабине как раз места для них с женой и дочерью хватает. Залез под грузовичок, глянул мельком – все требует ремонта, видимо, с самой Японии никто этими делами не заморачивался, но месячишко, а то и два точно еще выдержит. На одометре – почти миллион, наверное – второй круг, не иначе. Резина лысовата, но еще поедит. Дымит, масло ест – ну и ладно! Купил Гена за копейки бочку какого-то англола левого и стал его в двигатель японской машины доливать. Фильтры и прочее не менял вообще. Соляру заправлял любую, с тракторов и прочей техники, лишь бы подешевле. В общем, так и решил – добить и выбросить.

Весну Гена на грузовичке отъездил. И лето. И осень с зимой. И следующий земледельческий сезон весь. Сначала себе, что надо, завозил, потом соседям, потом и по садоводствам ближним калымить принялся. Денежка опять стала появляться. Атлас чадил безбожно, трясся, дребезжал, но исправно заводился и ездил, и ездил! Сильно выручил японский трудяга Гену в тот период, но все же продал он его кому-то в своем садоводстве снова за те же двести баксов и купил «Калдину». Устроился он тогда в какую-то фирму экспедитором, что-то развозил по клиентам. Платили вполне прилично. Опять у меня было командировка в те края, и снова удалось встретиться с ним. Поспокойнее он стал, одет прилично, но без излишеств, философское отношение к миру в глазах и в разговорах появилось.

Еще несколько лет пролетело. По осени приехал Геннадий в наш город родителей проводить, столкнулся я с ним где-то в центре на улице. Худой стал, злобно клял олигархов и власти, матюгался много по делу и так, но в глазах безнадеги не было. Рассказал, что прошлой осенью взял большой кредит, чтобы машину обновить, да ремонт в квартире сделать. Но тут на хозяина фирмы, где он работал, наехали и сильно. Тот – в бега. Гена – без зарплаты и снова на вольных хлебах. А тут дочке за институт и жилье платить надо, с кредитом разбираться, в общем, опять «попал Вася». И внешне видно было, что жизнь не слишком его баловала в последнее время.

Года три-четыре после той встречи мы не виделись. Как-то зимой в зале ожидания Домодедово вдруг сквозь шум аэровокзала мне послышался знакомый басок. Повернулся – точно! Оказалось, что Геннадий с женой из отпуска домой возвращаются. В Испании три недели отдыхали, «да еще в Италию заглядывали и во Францию, конечно». Маринка у него в шубке норковой, загорелая, гладкая. Да и Гена приоделся, заматерел, солиден стал, опять покровительственные нотки появились в голосе.

Рассказал, что года три назад ушел он в заповедник работать. И, ну надо же! – как раз в это время у нашего тогдашнего главы правительства вдруг возникло непреодолимое желание живого снежного барса погладить! И не где-нибудь в зоопарке, а непременно прямо в горах! А барсы как раз в этом заповеднике и водились, и диссертацию в свое время Геннадий по ним и писал. Вот тут-то наш герой и вытащил свой «счастливый билетик».

Когда гостей дорогих на таежном кордоне угощали всякими экзотическими вкусностями, Гена в нужный момент на глаза появился, что-то сказал умное, да еще и в строчку. И программку готовую по охране этого редкого животного подсунул. Денег дали и дают немеряно, успевай крутиться, осваивать. Гена и зашевелился, в меру своих способностей, а с этим у него недостатка никогда не было.

Что там дальше ему судьба готовит – никто не ведает, а пока, по его словам – жизнь удалась!

ДЯДЯ ВАНЯ

В войну всем предприятиям нужен был лес. Бревна, брус, доски, горбыль, обзол – все уходило для разных производственных нужд. Да и без дров для домов рабочих и управленцев никак не обойдешься, центральное отопление имелось у немногих, а с углем были перебои, да и дорого он обходился. Иркутский аэропорт не был исключением. Заготовительная база вблизи города иссякла, и весной сорок второго им выделили участок под вырубку в дальней тайге, километрах в семидесяти от города. Вокруг участка стояли отличные матерые сосняки, прямые как мачты стволы упирались в небо, такие леса принято называть «корабельными».

Расчистив на ровном месте большую поляну, поставили в середине двухэтажный барак, с домами персонала по периметру, большой пилорамой с дизелем, пищеблоком, кузней, гаражом и баней на отшибе. Прямо напротив, на другой стороне пади проходила полоса строящейся железной дороги Иркутск – Слюдянка. Летом сорок второго работы на этом участке дороги были прекращены, а вся техника и рабочие переброшены на фронт. После войны дорожное строительство возобновилось, сюда пригнали пленных японцев, которые вручную и делали отсыпку полотна.

В сорок девятом японцев отправили домой, на их место стали прибывать освобожденные из лагерей с пометкой «без права проживания в городах» и жители предполагаемого к затоплению участка старой дороги Иркутск – порт Байкал. В пятьдесят шестом строительство железной дороги было завершено. К началу шестидесятых лесоучасток, вырубив самые лучшие леса в окрестностях, закрылся, на его базе до наводнения семьдесят первого года существовал детский санаторий, потом его перепрофилировали в базу отдыха и, в начале девяностых, окончательно ликвидировали. А небольшой поселок так и остался.

...

Соседями по поселку у нас были Ковальчуки – дядя Ваня и тетя Маша. Детишек у них было трое – Сережка, Мишка и старшая Ленка. С Сережкой и Мишкой мы играли, строгую Ленку побаивались.

Однажды наш лесоучасток, где дядя Ваня трудился на пилораме, закрылся. Не найдя другую работу, он стал заготавливать веники и черенки для метел. Веники из ерника принимали в леспромхозе на соседней станции по семь копеек, березовые черенки брали за пять. Раза три в год в поселок, завывая мотором, с горы спускался длинный «крокодил» ЗиС-151. Из-под высокого навеса в него перемещались заготовленные веники и черенки, дядя Ваня залезал в кабину и уезжал пункт приемки.

Получив в конторе за сданную продукцию рублей пятьсот-шестьсот (сумасшедшие по тем годам деньги!), он сразу направлялся в станционный магазин. Покупал подарки детям и жене, конфет, колбасы, чего-нибудь еще вкусного из того, что имелось на полках, брал ящик водки и шел по лесной дороге вдоль железки в сторону поселка. До него было три километра. Все купленное дядя Ваня нес на плечах в двух тарных мешках, перевязанных между собой.

По пути у дороги имелось два ключика с замечательной ледяной водой. Одну бутылку он выпивал у первого ключа, еще одну приканчивал у второго. Там мы его с пацанами, чаще всего, и находили. На поиски нас отправляла тетя Маша, всегда назначая старшей ответственную Ленку. Не сразу, но дядю Ваню удавалось разбудить. Он с трудом приходил в себя, потом вставал и шел домой сильно качаясь, но сам. Мы же, дружно уцепившись с разных сторон за мешки, тащили их следом.

Прибыв на место, дядя Ваня выпивал стакан, затем другой и уходил в забытие. Так начинался его запой. Первые дни он был веселый, что-то из жизни рассказывал, играл на гармонии, пел, пытался принимать участие в наших играх. Завершалось это нехорошо. Последние дня

два или три дядя Ваня не узнавал даже своих детей, бегал по всему поселку с топором в поисках тети Маши, подозревая ее в неверности, просто валялся во дворе и выл.

Когда кончалась водка, он требовал, чтобы жена сходила на станцию и купила еще. Та отказывалась, говоря, что никаких денег он не принес, хотя в самом начале тщательно его обыскивала и все найденное хорошо прятала. Он снова за ней гонялся. В конце концов, дядя Ваня приходил в себя, отпивался морсом из жимолости, отлеживался, отпаривался в бане. И однажды утром, ни с кем не разговаривая, снова собирался, запрягался в самодельные длинные сани и отправлялся резать веники.

В трезвом состоянии дядя Ваня отличался обстоятельностью, работал и в лесу и дома от зари и до зари. В хозяйстве у него все лежало на своих местах, весь инструмент всегда наточен, все отремонтировано, налажено и подогнано, как надо. Детей он сильно не баловал, но, единственный в поселке, сделал во дворе сначала песочницу, потом соорудил настоящую детскую площадку с качелями, вкопал в землю несколько столбов, соединив их лестницами и канатами! Естественно, вся поселковая детвора значительную часть своего свободного времени там и проводила.

Кое-что дядя Ваня про свою жизнь рассказывал сам, особенно в начале запоев, что-то добавляла тетя Маша. Про войну разговоров избегал, говоря, что ничего там хорошего вообще не было. Картина его жизненного пути выглядела настолько неправдоподобно, что трудно было в нее поверить. Впрочем, в те времена всем много чего пришлось испытать, и эта история никого особо и не удивляла.

Родился он младшим в многодетной семье где-то то ли на Подолье, то ли на Воляни. Смогли пережить и гражданскую войну, и коллективизацию, и голод. Окончил четырехлетку и курсы помощников агронома. После трех лет службы в армии, вернулся и в тридцать пятом женился. Отстроили с помощью родственников и других сельчан отдельную хату, пошли и дети. В мае сорок первого получил повестку из военкомата. Два дня было в запасе, решил крышу перекрыть. С нее неловко и упал, сломал ногу. Из военкомата приезжали, посмотрели и вычеркнули из списков.

Началась война. Почти всех мужиков, кроме Ивана, который еще на костылях ходил, да нескольких стариков, забрали в армию. Вскоре немцы броском захватили село. Собрали жителей, потребовали выбрать старосту. Оставшиеся жители единогласно высказались за Ивана – грамоту знает, рассудительный, пусть будет за старшего. Пришлось согласиться. А через два дня наши контрудар как раз в этом месте провели и село ненадолго, но отбили. Прикатил грузовичок, из него высыпались солдатики в синих фуражках с автоматами. Собрали жителей. «Кто староста?» «Да вот, Иван староста». «Это ты – староста? Арестовать!»

Почти год провел Иван по тюрьмам и лагерям. Потом приехали какие-то офицеры, всех выстроили, предложили вино свою искупить кровью. Вызвался в числе первых. Штрафбат. В первой же атаке половина батальона полегла. Он выжил, но был ранен пулей в руку. К счастью, кость оказалась не задета, хотя крови потерял много. Месяц в госпиталях. Должны были отправить в обычную часть, «искупил же кровью», но при сверке документов кто-то заметил, что Иван старостой у немцев был. «Да как же это? Старосту и в обычную часть?!» Снова штрафбат. Очередная атака и большая часть батальона осталась лежать на поле. Иван снова выжил, раненый осколками мины в обе ноги.

И опять госпиталь, на этот раз два месяца. И снова не поняли кадровики – как это, старосту и отпускать в строевые части? Штрафбат, третья атака, выбило почти всех. Санитары нашли Ивана, уже совсем умирающего, но приволокли, доставили в госпиталь. Четыре осколка в груди, тяжелое ранение, шансов на выживание, как сказал врач, – один из десяти. Но он его использовал. Полгода по госпиталям. И – снова комиссия. На этот раз, видимо, судьба сжалась – отправили его в обычную пехоту. Там он вскоре прибил к батарее, стал подносчиком снарядов, потом заряжающим, потом уже и орудийным расчетом командовал.

В каких только передрягах побывать довелось, еще были и ранения, и контузии, но выжил Иван, назло всему выжил. Но, как начальство представления отправит на ордена-медали, в штабе сразу смотрят: «Так он же старостой был! Этого вычеркнуть!». Так без наград боевых он и остался. Закончилась война с немцами, успел Иван и с японцами повоевать. Демобилизовали рядового Ковальчука только в сорок шестом.

Вернулся домой, а дома и нету. Жена с детьми под бомбами погибла. Чьи бомбы – кто знает? И наши, и немцы бомбили. Из всей большой родни лишь племянница выжила с дочкой и сыном. Остальных никого не осталось. Кто погиб, кого в Германию угнали. У родственницы и остановился, начал помогать ей с хозяйством, но через неделю за ним пришли. Кто-то сообщил куда надо, что староста бывший объявился. Десять лет дали, в пятьдесят третьем по амнистии вышел, но без права проживания в городах и выезда из области.

Завербовался Иван на лесоучасток. Год поработал, пообвыкся. Съездил в город, зашел в детдом, выбрал из старших приглянувшуюся девчущку, которой уже семнадцать стукнуло. Выправил документы, забрал с собой, в конторе лесхоза поставили штампы в паспорта, что женаты. Выкопал в горе землянку, первую зиму в ней прожили. На следующий год уже небольшой дом поставил.

Потом кроликов завели, поросята в загоне захрюкали, куры с красавцем-петухом по ограде начали ходить. Дети появились, пришлось корову покупать. Удойстой оказалась – по два ведра отличного молока давала! Половину самим, половину – на продажу. Так и поднялись потихоньку. Все детишки выросли, выучились, нашли свое место в жизни, завели свои семьи.

С возрастом у Ивана загулы постепенно прекратились. Так, рюмку-другую после бани мог принять, не больше. Тетя Маша сильно этому радовалась. Но все чаще и чаще он в больницы попадал. Осколки в теле давали о себе знать, да и сырость окопная, видно, сильно сказалась на сердце. В семьдесят пятом перед девятым мая власти вдруг вспомнили про него, приехал с района военком и кто-то из администрации, вручили юбилейную медаль и цветы.

Повертел медаль в руках дядя Ваня с недоумением и забросил куда-то в ящик комода. А через месяц вышел он из дома, присел на лавочку и умер. И закончилась такая необычная жизнь простого человека, много раз переломанного судьбой, но прошедшего свой путь и сохранившего себя до конца.

НА БАЙКАЛЕ

НЕПОНЯТНАЯ КОМПАНИЯ

Давно это было, уже почти двадцать лет прошло, но запомнилось. Лето второго года выдалось удивительно теплым. Почти весь июнь не штормило и Байкал в заливах нагрелся настолько, что вылезать из воды совсем не хотелось. Мы подгадали одновременный отпуск и выехали расширенным семейством с родственниками на двух машинах. Никуда не торопясь, задерживались на день или два почти в каждом приглянувшемся месте. Отдыхали, загорали, ловили сеткой рыбу на уху и на жареху, затем продолжали свое путешествие. На десятый день остановились на террасе в парковом сосновом лесу на замечательном песчаном пляже недалеко от Гремячинска, решив провести здесь оставшееся свободное время. Неделя только началась. Народу было немного, и тесноты не ощущалось – расстояние от нашего лагеря до ближайших других компаний составляло метров двести и больше.

С собой у нас имелась резиновая лодка, в первый же вечер мы с моим двенадцатилетним сыном поставили китайскую сетку – «тридцатку», заякорив ее метрах в тридцати от берега и вытянув конец прямо в открытое море. Утром в ней обнаружили целых полтора ведра рыбы – в основном сорожек и окуньков, но была и пара щучек и килограммовый сомик, принятый сначала за налима. Лет двадцать назад в одном из озер в Бурятии запустили мальков какой-то ценной рыбы из бассейна Амура. Прижилась она или нет – история умалчивает, но случайно среди молодежи затесались и мальки амурского сома. Ему здесь понравилось. В короткие сроки сом заселил почти всю Селенгу и ее притоки, затем освоил мелководные заливы («соры») на Байкале, проник по Ангаре в Иркутское и Братское водохранилища, а недавно, говорят, уже появился и в Усть-Илимском рукотворном море. Сомик тоже оказался вкусным...

В общем, улова нам хватило и на уху, и на несколько сковородок жарехи. Оставшихся рыб подкоптили и завялили – под пиво этот продукт шел просто отлично! На третий день отдыха съездили в Горячинск и приобрели там хороший кусок свинины – мякоть использовали для шашлыков, а из костей с остатками мяса получилось целое ведро замечательного борща! Стояла чудесная погода. Небольшие облачка висели над горами, с озера дул легкий бриз, волны накатывались на песчаный берег, стирая следы от наших ног. Мы загорали, купались, дурачились, играли в разные игры, устраивали фотосессии, катались на лодке по озеру, гуляли по берегу и собирали грибы в лесу, расслабляясь в полную силу после городской суеты.

К выходным истосковавшийся по природе городской народ начал прибывать компаниями, заполняя пляж, обустриваясь то там, то тут. В пятницу вечером всего в полусотне метров от нас появилась новая группа палаток с разновозрастными обитателями, включая и кучу громких детишек. Три японских джипа, два «сурфа» и один «сафарик», имели иркутские номера. Ребята подошли, познакомились, оказалось, что тоже здесь первый раз. Спросили – как рыбалка и что с комарами. Узнав, что рыба в сетки идет валом, а комара здесь не бывает, заметно обрадовались.

В субботу после полудня со стороны трассы послышался шум автомобильных моторов, вскоре на спуске с косогора появился микроавтобус – «рафик». За ним следовали три «москвича» и «жигуленок» четвертой модели. Номера на машинах стояли бурятские. Кавалькада остановилась на большой поляне совсем рядом, метрах в двадцати от нас, с другой стороны от иркутян на джипах. Из машин высыпала большая толпа людей, сразу вызвавшая недоумение своим составом и поведением. Среди прибывших имелись четыре молодых женщины, трое с грудными детьми и одна, только собиравшаяся стать мамой. Был один крепкий мужик лет сорока или чуть больше, а также десятка полтора жилистого вида парней, возрастом лет по два-

дцать пять – тридцать. Национальный состав прибывших, как можно было рассмотреть, оказался смешанным. Кто-то был в джинсах и рубашках, большинство – в разномастных спортивных костюмах. К нам никто из них не подходил.

Покинув машины, мужская часть из прибывших, сбрасывая на ходу с себя одежду, тут же ринулась к берегу. Влетев с гоготом и визгом в озеро, они стала с огромным наслаждением плескаться, нырять, делать заплывы наперегонки, брызгать друг в друга водой, отрываясь совершенно по-детски. Минут через десять безудержного веселья, старший что-то громко командовал. Парни немедленно выскочили из воды, достали из машин складные столы и стулья, составили их в ряд и мигом заполнили их посудой и снедью из сумок, пакетов и рюкзаков. Посередине столов внушительно плотно расположились разнокалиберные бутылки с горячительным. К его беспощадному уничтожению наши соседи безотлагательно и приступили.

Тосты были короткими, но следовали один за другим почти подряд. Не прошло и получаса, как за столом остались лишь наиболее стойкие, остальные расположились в тенечке у машин и под деревьями, отдыхая в самых живописных позах. Дамы, усадив малышек в коляски, неприкаянно прогуливались с ними по дорожке у подножия горы. Та, что была в положении, походив немного вдоль кромки воды, залезла в салон одного из москвичей и сидела внутри, больше не показываясь. Прошло часа полтора. То там, то тут народ стал просыпаться и снова потянулся к столу. «Веселье» возобновилось с новой силой. Количество жадно заливаемого в организмы алкоголя поражало. Из «рафика» к столу перекочевало еще два ящика водки. Спустя недолгое время то один, то другой человек из этой нескудной компании снова отходил от стола на нетвердых ногах и падал в любом месте, где ноги его уже не держали.

В начале третьего этапа застолья, старший встал и распорядился: «Так, слушай сюда! Сейчас еще по одной выпиваем, освежаемся в Байкале, а затем надо поставить палатки – с нами же женщины и дети!» Весь народ дружно загомонил, что, мол, да, конечно, надо же лагерь поставить! Через пять минут все были в воде, еще через четверть часа на террасе в ряд стояли пять шестиместных брезентовых армейских палаток советского образца, куда парни стаскивали матрасы, одеяла и спальные мешки. Явно обрадованные произошедшими изменениями, дамы немедленно освоили одну из палаток, повесили веревки между деревьев, на них сразу заполоскались постиранные в тазиках пеленки-распашонки. Посчитав свою функцию выполненной, мужчины снова ринулись к столам и в кратчайшие сроки снова все ушли в нирвану. Присутствие такой пьяной толпы по соседству, конечно, изрядно напрягало, но, к нашей радости, ребята, напиваясь, никуда от своего лагеря не отходили и не проявляли к другим никакого интереса.

Наблюдая за новыми соседями, мы терялись в догадках – кто они? Приехали на старом «рафике», на москвичах и жигулях! Большая часть частного автопарка среди отдыхающих на берегах Байкала уже не один год как состояла из продукции японского автопрома. Это было и дешевле и несоизмеримо комфортнее и надежнее отечественных изделий! Понятно, что прибыли они сюда ненадолго и стараются успеть отдохнуть тем способом, который им представляется самым оптимальным. И, конечно, в любом коллективе, как правило, всегда находятся люди, более других подверженные любви к «зеленому змию». Но чтобы так жестко пить всем, в полном составе! И что за женщины с ними? Почему они оказались с маленькими детьми в такой компании, упивавшейся мгновенно и до беспамятного состояния? Ответов на все эти вопросы мы никак не могли найти.

«Веселье» у соседей затянулось, утихомирились они окончательно только к утру и поднялись поздно и отдельными группами. Понырив в Байкал, отпивались, судя по доносящимся комментариям, морсами и рассолами. Женщины приготовили к обеду ведро супа и нарезали салат. Спиртного никто уже не пил. Детишек в колясках выгуливали по дороге сами парни, видимо, отцы. Двое, взяв короткие саперные лопатки, споро выкопали внушительную яму

в лесу, куда стаскали весь мусор и после все тщательно заровняли. После полудня, уже в большинстве придя в себя, они свернули лагерь, упаковались в машины и уехали.

Незадолго до отбытия один из этих соседей, чуть братского вида, с набитой на левом плече летучей мышью, подошел к нам. Мы насторожились, но, поздоровавшись, он извинился и лишь спросил – не слишком ли шумно они себя вели ночью? Наш гость еще не совсем отошел от вчерашнего и предложенный чай с молоком принял с благодарностью. От пива и сигарет отказался. Парень оказался вполне адекватным. Поинтересовался – первый или не первый раз мы здесь, как нам в этих краях нравится, тяжело ли ехать столько из Иркутска. Мы немного поговорили. Не выдержав, я, все-таки, задал вопрос – что у них за такая интересная компания?

Он не стал запирается и наводить туман. Как выяснилось, это были ребята из Федеральной службы охраны. В Улан-Удэ с рабочим визитом почти на неделю прилетал Миронов, тогда спикер Совета Федерации. С ним еще несколько других чиновников, рангом поменьше. Проводили совещания, ездили по разным предприятиям, встречались с трудовыми коллективами. Под конец командировки на два дня местные возили всех на Байкал. Ребята, обеспечивающие охрану, умотались в ноль. И когда самолет с гостями вечером в пятницу взмыл в синее небо, им дали два дня отдыха. Вот и рванули сюда – расслабиться после такого напряжения. У кого жены с детишками – тоже взяли с собой, редко вместе побыть получается.

Парню посигналили. Он вскочил, пожелал нам хорошего отдыха и быстрым шагом направился к машинам. Теперь все встало на свои места. Зарабатывали ребята неплохо, денег хватало. Но импортный автопром в личном владении, в то время, видимо, начальство еще запрещало или просто не рекомендовало иметь. Работа у них, судя по всему, и правда, трудная, ненормированная и напряженная, выходные выпадают не так и часто. И, после таких тяжелых нагрузок, следовало отдохнуть по полной. Служба ответственная и у жен, видимо, с дисциплиной все было тоже в порядке, отчего никаких ожидаемых в данной ситуации скандалов не произошло.

Впечатление на всех нас они тогда произвели неизгладимое! Но меня больше зацепило другое. Ведь столько молодых, здоровенных мужиков, в расцвете сил, в самом лучшем возрасте для освоения нового, для профессионального роста в любой отрасли человеческой деятельности – и работают по сути охранниками, занимаются таким в реальности бессмысленным и рутинным делом, ничего не производя, ничего не строя, ничего нужного и полезного для будущего не создавая...

В БУХТЕ ШИДА

Был у нас в Сибири, да и не только, промежутки времени, когда народ в большинстве уже завел дачи в садоводствах, обзавелся личным автотранспортом, но пока не имел массового опыта поездок на теплые заграничные моря. С появлением своей машины сразу на порядок расширились возможности провести отпуск не только на даче, а вырваться из города и в другие места. И не на приевшиеся старые турбазы с советским еще сервисом, а побывать и отдохнуть с семейством во все новых уголках на природе и набраться свежих впечатлений. Есть же свой четырехколесный друг, куда легко вместить домочадцев, забить багажник пивом и разной едой, а сверху навьючить палатки и прочий бутор. И вперед! По любой из дорог, ведущих к замечательным уголкам нашей страны, где хорошо и красиво. Где можно провести «дикарями» две-три замечательных недели отпускного сезона!

Среди жителей каждого сибирского города быстро появились излюбленные направления автопутешествий, как правило, привязанные к каким-либо природным достопримечательностям. Для иркутян самым притягательным и доступным по расстоянию местом, конечно, всегда был Байкал. В часе езды от города находится туристическая «Мекка» этого озера – Листвянка. Теснота, обилие народа не мешают иркутянам, да и всем другим приезжим и раньше и теперь посещать это место и в выходные дни и в будни, когда есть возможность. Побродить по галечниковым пляжам, подышать чистейшим воздухом, посмотреть на волны, накатывающиеся на берег из бескрайней водной дали, скататься на катерах на экскурсию, поесть шашлыков и омуля. Но чаще – это поездки одного дня, больше в Листвянке особо нечего делать.

Для автовладельцев в отпускной сезон излюбленной территорией более продолжительного дикого отдыха в те годы стало побережье Малого моря – широкого и мелководного пролива между материком и островом Ольхон. Расстояние от Иркутска – чуть больше двухсот пятидесяти километров. Сейчас, когда асфальт там уложен до самого Байкала, на машине можно добраться часа за три. Раньше дорога была намного хуже, и путь туда занимал целый день. В длину Малое море тянется больше чем на семьдесят километров, а берег весь изрезан многочисленными уютными бухточками, с мысами, хорошо защищающими от ветра. Есть здесь и гостеприимные лесочки с ровными площадками недалеко от берега, есть участки песчаных и галечниковых пляжей. От небольшой глубины пролива, вода в нем и, особенно, в бухтах в июле-августе прогревается иногда до двадцати градусов. Не Сочи, но для сибирского неизбалованного народа и это – благодать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.